

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2, 343.811

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-11-2-54-64

ФЕНОМЕН «МАНА» В ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Пономарев С. Б.

***Аннотация:** В различных областях науки: религиоведении, антропологии, социологии, этнографии, социальной философии, – широко используется термин «мана», под которой понимается некая магическая сила, наполняющая окружающий мир. Учеными выдвигаются различные теории о сущности феномена «мана», зарождении веры в «мана» и связи «мана» с формированием табу и приемами магии. В работе впервые описан феномен тюремной «мана» как царящего среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, представления о существовании некой силы, способной «заразить» человека в условиях тюремной социальной изоляции. Приведены примеры формирования тюремных табу, дана их краткая классификация. Показано, что множество тюремных табу связано с наличием неформального кастового строения тюремного социума. Описаны примеры использования приемов магии в условиях пенитенциарного пространства. Дана характеристика основных психологических и физических факторов, характерных для пенитенциарного пространства, которые, по мысли автора, могут способствовать появлению феномена тюремной «мана». Акцентируется роль логического приема «умозаключение по аналогии» при формировании магического мировосприятия при длительном нахождении человека в местах лишения свободы. В работе впервые описан феномен тюремной «мана», характерный для социокультурного пенитенциарного пространства. Доказано, что феномен тюремной «мана» порождает в тюремной субкультуре многочисленные табу, характерные для мест лишения свободы, и что условиями возникновения феномена тюремной «мана» являются психологические и физиологические особенности пребывания человека в учреждениях пенитенциарной системы.*

***Ключевые слова:** табу, тюремные касты, пенитенциарное пространство.*

Введение

В различных областях науки: религиоведении, антропологии, социологии, этнографии, социальной философии, – широко используется термин «мана». В общем виде под «мана» понимается некая сверхъестественная сила, энергетическое поле, сходное с проявлением природной стихии [1]. Б. Малиновский отмечает, что для многих народов свойственна вера в безличную волшебную силу, управляющую миром и являющуюся изначальной причиной событий как в сфере бытовой жизни, так и в области сакрального [2].

Материальными носителями «мана» могут быть люди, животные, различные предметы. В сообществах, традиционно классифицируемых как «примитивные» [2], магическое манипулирование этой силой применялось для достижения целей, выгодных как отдельным членам племени, так и социуму в целом. Обращение к силе «мана» осуществлялось с целью вызова дождя, излечения от болезни, победы в сражении и т.д. Кроме того, «мана» могла погубить человека, вызвать смерть, болезнь и несчастье. Вера в «мана» была широко распространена у народов Меланезии и Полинезии, Новой Зеландии (маори). Между тем, как отмечают исследователи, явление, сходное с понятием «мана» наблюдается в представлениях и других народов: в Малайзии это «крамат», во Вьетнаме – «денг», на Мадагаскаре – «хасина», у ирокезов Северной Америки – «оренда», у оджибвеев – «маниту», у шошонов – «покунт», у сиу – «ваканда», у австралийских аборигенов – «пулья», «арангквилтха», у рапануйцев – «аку-аку» и т.д. [2;3;4]. Согласно Б. Малиновскому, понятие «мана» представляет собой универсальную парадигму, встречающуюся везде, где исследователями обнаружены элементы магии [2].

Взгляды на феномен «мана»

В разное время проблемой феномена «мана» занимались такие философы и ученые, как К.Г. Юнг, М.Элиаде, Р. Маретт, М. Мосс, Ч. Хьюит, Э. Кассирер, А. ван Геннеп, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, Б.Малиновский, К. Леви-Стросс, Дж. Кинг, С.А.Токарев и другие.

Необходимо сказать, что среди исследователей нет единого мнения о сущности «мана». С одной стороны, этот феномен может расцениваться как проявление анимизма – системы взглядов, согласно которой души имеются у большинства объектов окружающего мира. С этой позиции «мана» есть некое нематериальное начало, особая бестелесная субстанция, присущая человеку, зверю, растению, камню и т.п.

Существует также взгляд на проблему феномена «мана», согласно которому истоки веры в «мана» следует искать в преанимизме – стадии первобытной религиозности, которая по мнению ряда ученых (К. Прёйс, А. Фиркандт, Э.Тайлор, Р. Маретт и др.) предшествует анимизму. С этой позиции принятие человеком концепции «мана» обнаруживается в его вере в существование некой безличной силы, разлитой во вселенной и воздействующей на жизнь людей. Так, например, Э. Кассирер считает что попытка «свести понятие мана в конечном счете к понятию души и интерпретировать и разъяснить его, исходя из предпосылок анимизма, оказалась несостоятельной» [4, с. 92]. Э. Дюркгейм также допускал существование в примитивных культурах представлений о существовании единой нематериальной субстанции (мана, вакан, оренда, маниту), увязывая ее с понятием тотема – воплощением концентрации этой субстанции в том или ином объекте или символе [5].

Вместе с тем, как справедливо отмечает М. Элиаде, явление «мана» персонифицировано, оно индивидуально и единично. Поэтому ученый делает вывод, что оценка «мана» как магической безличной силы неверна [6]. Философ подкрепляет свои рассуждения эмпирическими данными, свидетельствующими о том, что представление о «мана», как о волшебной силе, разлитой повсюду, существуют далеко не у всех народов

Земли. Сходных взглядов частично придерживается Э. Кассирер, который пишет: «Магическая сила, присущая жрецу или вождю, сгущенная в них «мана» привязана не к ним как индивидуальным субъектам, а способна к различным превращениям и переходу на других лиц» [4, с. 69].

К. Леви-Стросс дает следующее определение рассматриваемого понятия: «Мана – лишь субъективное отражение требования некой целостности, не открытой к восприятию» [7, с. 431]. Сказанное позволяет «придать мане нулевое символическое значение, другими словами закрепить за маной функцию поддержания смысла в условиях, когда о реальном носителе этого смысла нет знаний» [1, с. 40].

Рассматривая явление «мана», К.Г. Юнг показывает, что она являет собой «существо, проявляющее оккультные, колдовские качества (мана), наделенное магическими знаниями и силами» [8, с. 182]. При этом он утверждает, что «мана-личность – это доминанта коллективного бессознательного, известный архетип сильного мужчины в виде героя, вождя, колдуна, знахаря и святого, властелина людей и духов, друга божьего» [8, с. 182]. Также К.Г. Юнг отмечает что, если мужская «мана» чаще всего имеет воплощение в фигуре колдуна, то женская – в великой матери.

В целом следует согласиться с мнением Э. Кассирера о том, что дать четкое определение понятию «мана» (равно как и определить его место в системе первобытных символов и понятий) затруднительно или невозможно. Ученый пишет: «Ни “субстанциальная” теория, понимающая мана просто как магическую субстанцию, ни “динамическая” теория, делающая особый акцент на понятии силы, на способности и воздействии, не улавливают, судя по всему, подлинного значения понятия мана и не в состоянии его исчерпать. Подлинное значение скорее заключено как раз в его своеобразной «текучести» – в перетекании и переходе из одной в другую характеристик, которые с нашей точки зрения четко различаются» [4, с. 92].

Вместе с тем независимо от того, какой смысл тот или иной исследователь вкладывает в понятие «мана», представляется справедливым высказывание, сформулированное Ю.В. Яцуценко: «Представление о мане – это социальный факт, сама же мана, согласно этому представлению, работает как факт естественный, природный» [1, с. 39].

Феномен мана и табу

Весьма интересным представляется анализ связи понятия мана с феноменом табу. В своих работах Р. Маретт обосновывает связку «мана-табу», в котором мана выступает в качестве «положительной» силы, а табу – в качестве «отрицательной» [9]. При этом формула «табу-мана» оценивается исследователем как минимум содержания религии. Р. Маретт утверждает, что магия и религия одинаково основаны на вере в безликую, сверхъестественную силу, что, как было указано выше, наблюдается на этапе преанимизма. Именно эту силу, по мнению философа, следует обозначить как «мана».

Известно, что существует два вида табу. Как отмечает Д.Д. Фрезер, запреты первого рода носят «положительный», «светлый» характер (табу на посещение священных рощ, на проникновение в обитель богов, на прикосновение к верховному жрецу и т.п.) [10]. Соответственно табу второго рода имеют «отрицательный», «темный» характер (запреты

на физический контакт с покойником, на посещение проклятых мест, на взаимодействие с представителями низших каст и т.п.) [Там же]. Табу второго рода накладываются на объекты, которые воспринимаются как вредоносные и опасные, подверженные действию злобных сверхъестественных сил, избежать которых можно лишь максимально ограничив взаимодействие с табуированными явлениями.

Логично, что, подобно дихотомическому характеру табу, «мана», как некая сверхъестественная сила, тесно связанная с табу, также должна обладать как «положительной» (восстанавливающей, светлой), так и «отрицательной» (разрушительной, темной) энергией [11]. Подобные взгляды на сущность «мана» мы встречаем у М. Мосса, который указывает на возможность узкой специализации «мана», например, «мана» богатства, «мана» убийства и т.п. [3]. С этой позицией согласен С.А. Токарев, который считает, что понятие «мана» можно обозначить как «сверхъестественную потенцию, источник и направление действия которой могут быть самыми различными» [12, с. 316].

Феномен «мана» и магия

Весьма интересно рассмотреть связь понятия «мана» с видами магии. Д.Д. Фрезер различал два таких вида: гомеопатическую (имитативную, симильную) и контактную (контактную). Согласно Фрезеру, «гомеопатическую, или имитативную, магию вызывает к жизни ошибочное ассоциирование идей сходных, а магию контактную – ошибочное ассоциирование идей смежных» [10, с. 54]. М. Мосс добавляет к этим видам магии еще и магию, построенную на принципе противоположности [1].

На сегодняшний день имеется несколько классификаций магии. Так, например, исследователи различают ручные и словесные магические обряды [13]. А. Фиркандт выделяет такие виды магии, как «магия вблизи», «магия издали» и «начинательное колдовство». А. ван Геннеп делит магические манипуляции на анимистические и динамистические, положительные и отрицательные, прямые и косвенные [14]. Е.Г. Кагаров выделяет симильный, парциальный, контактный и энантиопатический виды магии [15]. С.А. Токарев выделяет шесть типов магии: апотропетическую трансмиссивную, парциальную, контактную, симильную, катартическую [12]. Контактная (контактная) магия, предполагает наличие темной, заразной силы, передающейся от человека к человеку. Понятие скверны, нечистоты и связанного с ними ритуального табу для представителей архаических культур носит сакральное значение. Это понятие ассоциировалось с идеями влияния добрых или злых потусторонних сил и, в конечном счете, с понятиями счастья и несчастья [16].

Феномен тюремной «мана»

Феномены «мана», магии и табу описаны применительно к так называемым примитивным культурам. Между тем эмпирический материал свидетельствует о том, что феномен «мана», наличие развитой системы табу (табу на грязь, на территорию, на слова, на пищу и т.п.) и применение классических магических приемов наблюдается в современной российской тюремной субкультуре [11]. При этом следует отметить, что изучаемая пенитенциарными криминологами, психологами, педагогами, юристами тюремная субкультура до последнего времени практически не рассматривалась с позиций социальной антропологии,

а феноменам тюремных табу и тюремных тотемов посвящена лишь единичные работы.

Так, в частности, в ходе исследований тюремной субкультуры нами был предложен термин «тюремная мана» для обозначения представления лиц, отбывающих наказание и вовлеченных в тюремную субкультуру, о возможности передачи ритуальной нечистоты [11]. Проявления тюремной «мана» можно проиллюстрировать многочисленными примерами. Так, например, принципы парциальной магии лежат в основе тюремного табу на прием пищи в то время, когда кто-либо из сокамерников справляет естественную нужду или освобождает кишечник от газов. Для того, чтобы в этот момент нечистая тюремная «мана» не перешла на пищу, арестантам необходимо чем-либо (газетой, одеждой) прикрыть продукты. В этих манипуляциях мы видим пример апотропеического магического действия. Считается, что если вовремя не защитить продукты, они (по представлениям, царящим среди заключенных, вовлеченных в тюремную субкультуру) приходят в негодность, становятся источником негативной тюремной «мана», а рискнувший впоследствии употребить их в пищу переходит в низшую тюремную касту отверженных – «чертей», «чушков».

Большое число тюремных табу связано со взаимодействием основных неформальных тюремных каст. Большинство исследователей выделяется 4–5 основных тюремных страт (т.н. «масти»). Это «воры», «мужики», «козлы», «петухи» и «черти». Последние две считаются низшими. Представители тюремной касты «петухов» в местах лишения свободы используются для гомосексуальных контактов, подвергаются издевательствам и остракизму. «Черти» («чушки») – это деградировавшие, опустившиеся, не следящие за собой члены тюремного социума. В тюремной субкультуре угроза принятия негативной мана связана со взаимодействием с представителями тюремной страты «петухов», являющейся самой низшей в социальной неформальной тюремной иерархии. Принять мана «петуха» возможно прикоснувшись к нему, к его одежде, вещам, сев за стул, на котором ранее сидел «петух» и т.п. [17].

Тюремная субкультура выработала специальный ритуал деперсонализации – принудительный перевод члена тюремного коллектива в касту неприкасаемых (т.н. «опускание»), которые производится в виде ряда публичных насильственных ритуальных действий, например, смачивания лица жертвы мочой, онанирования на лицо, гомосексуального полового акта и т.п. [18].

Вообще, материальными носителями «мана» в представлении апологетов тюремной субкультуры являются все объекты, относящиеся к страте «петухов»: их спальные места, посуда, личные вещи, мебель и т.п. Автоматически впитывает негативную «петушину» энергию, человек, побывавший в «петушиной» камере, просто подышавший там насыщенным негативной «мана» воздухом. Основанное на этих представлениях тюремное табу на грязь обуславливает запрет на прикосновение к унитазу руками, предписывает бить «петуха» только ногами или каким-либо предметом и т.п. Считается, что для восстановления чистоты то место, где сидел «петух», надо тщательно выскрести, чтобы не «опомоиться», металлическую «шконку», на которой спал «петух», после него надо очистить огнем [17, с. 52].

Аналогии этих явлений находим в примитивных культурах, чьи представители «придерживаются мнения, согласно которому, слова и вещи, подобно людям временно или постоянно заряжены, наэлектризованы таинственной силой табу» [10, с. 216]. В индийском кастовом обществе тот, кто «загрязнился» от прикосновения с хариджанином, должен был применить специальные ритуалы очищения. Аналогичный ритуал используется в местах лишения свободы: случайно «испачкавшийся» человек должен съесть кусок мыла. Этим он как бы дезинфицирует подвергнутый действию негативной «мана» организм, изгоняя из себя зловредную энергетическую сущность (пример катартической магии).

Следует также отметить, что в примитивных культурах отмечалось такое явление, основанное на взаимодействии с вредоносной тюремной «мана», как табу на территорию. Пенитенциарное пространство «разделяется на функционально значимые для заключенного отсеки, часть из которых табуирована и нарушение этих границ ведет к серьёзному наказанию со стороны тюремного сообщества» [19, с. 94]. В тюремной субкультуре к табуированным территориям, обладающих негативной энергией, относятся все места пенитенциарного пространства, связанные с пребыванием представителей низших каст: «петушиные углы», «петушиные» столы и стулья в столовой, туалеты и т.д.

Резонно возникает вопрос: Почему представления о безликой негативной силе (названной нами «тюремная мана») появились в российской субкультуре осужденных, никак не связанной с культурами полинезийцев, североамериканских индейцев и т.п.? Говоря об этом процессе, Е.В. Письменный отмечает, что «в современном социокультурном тюремном пространстве широко проявляется архаический синдром, активизирующий базальные структуры сознания и способствующий мифологическому осмыслению действительности» [20, с. 168]. В результате анализа фактического материала можно говорить о сходных механизмах формирования феномена «мана» и связанной с ним табу в примитивных социумах и в тюремной субкультуре. Общим для пребывания в местах лишения свободы и деятельности человека в первобытном состоянии является чувство страха. Это постоянная неуверенность в завтрашнем дне, неопределенность будущего, непонимание причинно-следственных природных связей. Пребывание в стрессогенной среде, необходимость сопротивляться и выжить в условиях враждебного окружения, потеря социальных связей, томительное ожидание возможных изменений в своей судьбе ведут в условиях пребывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы к изменениям психики, невротическим проявлениям, деградации личности. В пенитенциарном пространстве наличие специфических тюремных факторов (гиподинамия, переполненность помещений, дефицит чистого воздуха и солнечного света и т.п.) в сочетании с монотонностью существования, информационной депривацией, пенитенциарным дистрессом приводят к скатыванию интересов человека к удовлетворению простейших витальных потребностей, актуализации описанного З. Фрейдом орального-анального комплекса. Совокупность всех упомянутых факторов способствует, в конечном счете, появлению коллективных представлений о некоей энергетической силе, существующей в пенитенциарном пространстве, и, как следствие, к появлению системы тюремных табу, тюремных тотемов, а также приемов бытовой магии.

Выводом из сказанного является то, что принципы магических манипуляций являются универсальными и общими для психики всех людей (что было подмечено еще Д.Д. Фрезером), независимо от места их проживания. Это явление носит название культурной гомоплазии. В условиях тюремной изоляции человек не может в силу недостатка необходимой информации в полной мере воспользоваться эффективностью механизмов дедуктивного и (менее информативного) индуктивного умозаключений, что приводит к широкому применению логического приема, называемого умозаключением по аналогии. Это же самое происходит с представителями примитивных культур в условиях их противостояния силам природы. Такой прием логики ведет в конечном счете к симиальным и contagiозным магическим действиям, вере в существование энергетическую силы (мана), пронизывающей пенитенциарное пространство [21]. Примеров применения умозаключений по аналогии в формировании тюремных табу довольно много. Например это: табу на красный цвет, на употребление в пищу бананов, на питье из крана, на оброненное мыло и т.п. [11]. Таким образом, одной из причин возникновения представлений о существовании тюремной «мана» является свойственный психике любого человека набор логических операций по типу умозаключений по аналогии, активизирующийся в тяжелых условиях тюремной социальной изоляции.

Другой вопрос, требующий ответа: как бороться с описанными в статье проявлениями тюремной субкультуры? И ответ на этот вопрос очевиден: необходимы глубокие реформы в реализации государственной уголовно-исполнительной политики. Необходимы гуманизация условий содержания заключенных, применение альтернативных мер наказания, усиление мер по профилактике правонарушений, декриминализация некоторых уголовных статей, действия, направленные на борьбу с проявлениями тюремной субкультуры, усиление воспитательной, психологической работы с осужденными. Комплекс этих мер в настоящее время активно реализуется руководством Федеральной службы исполнения наказаний.

Выводы

В работе впервые описан феномен тюремной мана, характерный для социокультурного пенитенциарного пространства. Обнаруженный феномен тюремной мана порождает в тюремной субкультуре многочисленные табу, характерные для мест лишения свободы. Условиями возникновения феномена тюремной мана являются психологические и физиологические особенности пребывания человека в учреждениях пенитенциарной системы. Механизмы формирования магических приемов, табу и веры в мана являются универсальными и вытекают из законов рассудочной деятельности человека. Это прослеживается на примере возникновения тюремных табу и тюремных магических манипуляций. Для борьбы с проявлениями тюремной субкультуры в российских исправительных учреждениях необходимо проведение реформ в области государственной уголовно-исполнительной политики.

Список литературы

1. Яцуценко Ю.В. Практическая идея магии в «пантеизме маны» Марселя Мосса// Вестник РУДН. Социология, 2015. Т.15. №2. С. 35-47.
2. Малиновский Б. Магия, наука, религия/ Пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2015. 298 с.
3. Мосс М. Социальные функции священного /пер. с фр. И.В. Утехина. СПб: Евразия, 2000. 448 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление/ пер. с нем. С.А. Ромашко. М.- СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
6. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения/ пер. с англ. Ш.А.Богоиной, Н.В.Кулаковой, В.Р.Рокитянского, Г.С.Старостина. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
7. Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса/ Социальные функции священного /пер. с фр. И.В. Утехина. СПб: Евразия, 2000. С. 405-432.
8. Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным/ пер. с нем. А.А.Чечина. М.: Изд-во АСТ, 2021. 320 с.
9. Маретт Р. Р. Формула табу-мана как минимум определения религии/ пер. с англ. А.н.Красникова // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Т.2. М.: Канон+, 1998. С. 99-109.
10. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь/ пер. с англ. М.К.Рыклина. М.: Политиздат, 1983. 702 с.
11. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ Ижевск: ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2021. 160 с.
12. Токарев С. А. Ранние формы религии/М.: Политиздат, 1990. 545 с.
13. Hubert H., Mauss M. Esquisse d'une theorie generale de la magie// *Année sociologique*. 1904. vol.VII. PP. 62- 66
14. Генепп А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. Ю.В.Ивановой, А.В.Покровской. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
15. Кагаров Е.Г. К вопросу о классификации народных обрядов // Доклады Акад. наук. 1928. №11. С.328-331.
16. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении/ пер. с фр. Б.И. Шаревская. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
17. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем/Ижевск: ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2017. 144 с.
18. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение/ дисс... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 228 с.

19. Тищенко Н.В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре/Саратов: ООО «Издательский Центр «Наука», 2012. 184 с.
20. Письменный Е.В. Отражение архаической семантики мифологемы черепа в символике тюремно-воровской субкультуры// История и культура славянских народов : достижения, уроки, перспективы: материалы международной научно-практической конференции 25 -26 ноября 2011 г. - Пенза - Белосток - Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. №42. С. 168-176.
21. Невельская-Гордеева Е.П. Абдукция как логический метод поиска истины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, 2014 Т. 27 (66). № 3. С. 418–423.

Сведения об авторе

Пономарев Сергей Борисович – д-р мед. наук, профессор, г. Москва, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, главный научный сотрудник.

E-mail: docmedsb@mail.ru

Ponomarev S. B.

MANA PHENOMENON IN THE PRISON SUBCULTURE

***Abstract:** In various fields of science: religious studies, anthropology, sociology, ethnography, social philosophy, the term «mana» is widely used, which refers to a certain magical force that fills the world around. Scientists put forward various theories about the essence of the phenomenon of mana, the origin of belief in mana and the connection of mana with the formation of taboos and magic techniques. The paper describes for the first time the phenomenon of prison mana as prevailing among those serving sentences of imprisonment and involved in the prison subculture, the idea of the existence of a certain negative force that can «infect» a person in the course of his life in conditions of prison social isolation. Examples of the formation of prison taboos are given, their brief classification is given. It is shown that many prison taboos are associated with the presence of an informal caste structure of the prison society. Examples of using the techniques of simial, contagious, cathartic and apotropeic magic in conditions of penitentiary space are described. The characteristic of the main psychological and physical factors characteristic of the penitentiary space, which, according to the author, can contribute to the emergence of the phenomenon of prison mana, is given. The role of the logical method “inference by analogy” is emphasized in the formation of a magical worldview when a person is in prison for a long time. Scope of the research results: in the practice of the penitentiary system. The paper describes for the first time the phenomenon of prison mana, which is characteristic of the socio-cultural penitentiary space.*

It is argued that the discovered phenomenon of prison mana gives rise to numerous taboos in the prison subculture, which are typical for places of deprivation of liberty and that the conditions for the emergence of the phenomenon of prison mana are the psychological and physiological characteristics of a person's stay in the institutions of the penitentiary system.

Keywords: *mana, prison subculture, taboo, prison castes, penitentiary space.*

References

1. Yatsutsenko, Yu.V. Prakticheskaya ideya magii v «panteizme many» Marselya Mossa [The practical idea of magic in the «pantheism of mana» by Marcel Mauss] Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Sociology. 2015. Vol.15. № 2. pp. 35-47.
2. Malinovsky, B. Magiya, nauka, religiya [Magic, science, religion] M.: Academic project, 2015. 298 p.
3. Mauss M. Social'nye funkcii svyashchennogo [Social functions of the sacred] St. Petersburg: Eurasia, 2000. 448 p.
4. Kassirer E. Filosofiya simvolicheskix form. [philosophy of symbolic forms] M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 2002. 280 p.
5. Durkheim, E. Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia] M.: Delo Publishing House, 2018. 736 p.
6. Eliade M. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Essays on Comparative Religion] M.: Ladomir, 1999. 488 p.
7. Levi-Strauss K. Predislovie k trudam Marselya Mossa [Preface to the writings of Marcel Mauss] Social functions of the sacred / St. Petersburg: Eurasia, 2000. pp. 405-432.
8. Jung K.G. Otnosheniya mezhdru ego i bessoznatel'nym [The relationship between the ego and the unconscious] M.: Izd-vo AST, 2021. 320 p.
9. Marett R. R.. Formula tabu-mana kak minimum opredeleniya religii [The taboo-mana formula as a minimum definition of religion] Mysticism. Religion. The science. Classics of world religious studies. Anthology. Iss.2. M.: Kanon+, 1998. pp. 99-109.
10. Fraser D. D. Zolotaya vetv' [Golden bough] M.: Politizdat, 1983. 702 p.
11. Ponomarev S.B. Analiz triady «arhetip-totem-tabu» v penitenciarnej subkul'ture [Analysis of the triad «archetype-totem-taboo» in the penitentiary subculture] Izhevsk: IzhGTU after M. T. Kalashnikov, 2021. 160 p.
12. Tokarev S. A. Rannie formy religii [Early forms of religion] M.: Politizdat, 1990. 545 p.
13. Hubert H. and Mauss, M. Esquisse d'une theorie generale de la magie [Outline of a general theory of magic] Sociological year. 1904. Vol.VII. pp. 62-66.
14. Genepp A. van. Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [Rites of passage. Systematic study of rituals] M.: Publishing company «Eastern Literature»

- RAS, 1999. 198 p.
15. Kagarov E.G. K voprosu o klassifikacii narodnyh obryadov [To the question of the classification of folk rituals] Reports of Acad. Sciences. 1928. №. 11. pp.328-331.
 16. Levy-Bruhl L. Sverh»estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Supernatural in primitive thinking] M. : Pedagogy-Press, 1994. 608 p.
 17. Ponomarev S. B. Kriminal'naya subkul'tura s pozicii etologii cheloveka i teorii sistem [Criminal subculture from the position of human ethology and systems theory] Izhevsk: IzhGTU after M. T. Kalashnikov, 2017. 144 p.
 18. Tulegenov V.V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie: dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal subculture and its criminological significance: dissertation] Rostov-on-Don, 2003. 228 p.
 19. Tishchenko N.V. Interpretaciya tyuremnoj subkul'tury v otechestvennoj hudozhestvennoj kul'ture [Interpretation of the prison subculture in the national artistic culture] Saratov: Publishing Center Nauka LLC, 2012.184 p.
 20. Pismenny E.V. Otrazhenie arhaicheskoy semantiki mifologemy cherepa v simvolike tyuremno-vorovskoj subkul'tury [Reflection of the archaic semantics of the mythologeme of the skull in the symbolism of the prison thieves subculture] History and culture of the Slavic peoples: achievements, lessons, prospects: materials of the international scientific and practical conference November 25-26, 2011 . Penza - Bialystok - Prague: Scientific Publishing Center « Sociosphere», №. 42. pp. 168-176.
 21. Nevelskaya-Gordeeva, E.P. Abdukciya kak logicheskij metod poiska istiny [Abduction as a logical method of searching for truth] Uchenye zapiski Taurida National University. Philosophy. Culturology. Political science. 2014 .Iss. 27 (66). №. 3. pp. 418–423.

Ponomarev Sergey Borisovich – Doctor of med. sciences, professor, Moscow, Research institute of the Federal penitentiary system, Chief researcher.

E-mail: docmedsb@mail.ru